128

7/II 35 г.

Дорогая Катюш!

Вчера одно за другим получились два таких письма, и оба со вложениями: первое – со стрункой (и вовсе не кашура, и не мир – а скорее „ла", а если по-казахскому – то „шина"), а второе – со вложением двух фото. Но ведь нужно быть умницей на 101%, чтобы немедленно заинтересовать неопределившуюся душу снимка!! Где твоя совесть Вика? За что ты фотку лишила заслуженной какашки: ведь нам еще два таких-же фото, как мы с левой не подписаны никак. Обещаешь?

За стрункой – „очень сложно". Не сдавайся – и с ней-же с острыми, особенно с такой („зол" называется, и по виду – такая, металлическая). Верится она сердцу – то восхищению моему не будет предела, хотя я не „серебролюбив" в обыденных случаях жизни (удовлетворяюсь вполне банкнотами).

Теперь о самом главном в твоём письме. Ты-ж украинка, умничка: наслушалась уж тут своими толкователями моей фразы в письме (что, мол, сидим и говорим безработица – с голодухи). Видишь-ли: она „сначала потом иначе, а потом иначе". Милая моя Каренька! Ради бога: пойми еще „иначе"-и ты вернешься к главному пониманию: изголодались мы с Бэллой именно по безработице! А вовсе не в физическом смысле слова – отнюдь! И поэтому все твои заключения: – чтобы я был вполне откровенен, и чтобы я сказал тебе, в чем мы нуждаемся, и чтобы, – все эти „чтобы" построены на „либерально-классическом" основании. Даю тебе торжественное честное слово музыканта (а это тебе знать не хуже, и не ученый, и даже не Бах!) что мы купили досрочно. И чтобы ты не смела покарать вычеркнув мне что-нибудь чаще и больше того, что

ты вычеркнула! Так, пишешь, фунт которой ты 2/I выслала, я получил, а фунт от 17/I – отдам Леве, когда получу. Ведь так зарабатывает больше Бэллы, но у Левы больше дорог, чем у меня, а я зарабатываю раза в полтора больше Левы. Смотри первое, вычеркнутое, – это будет равнозначно утверждению, что Лева больше нуждается в таких вещах, нежели я. Единственно, что я оспариваю – это то, что в определении моей дальнейшей судьбы (8/III) мы с Бэллой решили мелкого „S'enrichir" (Соб. задум. как пишется?) – то есть, говоря сберкнижку: ведь при благоприятных условиях, надо будет вывезти кое-что из „всея Союзы": и в Москве побывать у ее родных, и в Одессе. А у таких путешествий есть некий „standart-cost", – и немалый. Да: я писал тебе, что от Шпеера получил визу (вместе, извещение о ней) для себя и Бэллы, Роуза и Лева

с Ирой и ребенком? Я страшно благодарен Шнеру за искренность. Чудак, но — увы! — как вы знаете, пока невозможно. Ира не может как давно мне без отказа в письме.

Таня пишет, что получила извещение от Шнурмера о том, что он выслал посылку. Паспорт — Шура вчера 20 других; одновременно он сообщает и о том, что Шура — без работы.... Левка пишет письмо нам, где учит объяснять, какая связь существует между этими двумя фактами. Сизифов труд! Таня регулярно высылает, Лева — иногда с перебоями.

Вы хотите знать, можно ли слышать по радио, когда я играю? Как ни странно, радио — увы — Ирина Юдиной слышит, где я играю — только транслирующий. Вчера — я узнал; сбор было бы интересно! А — наши концерты проходят под выходные дни (5, 5^{30}, 11^{30}, 17^{30}, 23^{30}, 29^{30})

от 7 ми до 8 ми часов (всегда по местному времени (а по московскому – от 3 до 4)

С удовольствием сделал ряд рассуждений насчет „местного" мировоззрения. Я горе чувствую в себе некоторые элементы, знаешь, ну ... ортодоксальности, что-ли, вроде мелодрамы. Горе, ты пишешь, что мы с тобой „созвучны". Это верно. Я очень люблю смеяться и смешить – ты всегда улыбаешься, даже идя фотографировать. Ты любишь немножко „резонировать" – я горе, особенно если много немножко погрущу о чем-нибудь, что, вот мол, как это было хорошо... и т.? Или здесь уже мы разные? Горе, еще я люблю музыку – а ты к ней, кажется, равнодушна. Да мало-ли чего общего в нас! Взяв тебя-то: я тебя очень люблю, а горе (имя, значит). Во всяком случае, когда я у тебя буду в Киеве, я чувствовал себя около самого

небо, хотя кошмар - в первом ряду.
И - честное слово! - я бы отдала много,
чтобы много было такого-же, как
Гоголя, - но ведь это чрезвычайно ред-
кий талант!

Катюша: сегодня мне исполни-
лось 31 год. Я аккуратно выполняю
ежегодно свой шестидневник: за
год сделано ровно на год. Скоро обо
мне скажут, как о той старушке:
„смотрит как она молодо выглядит:
ей 140 лет, а никто ей больше 130-ти
не даст"....

Ну, Катюшка, письмо разрослось:
„как много сказано, - как мало...
в этом смысле".

Я пишу. Ты - пиши. И когда мы
будем писать (они, или они, будут
писать) — все будет хорошо.

Обнимаю и целую
Твою Беллу

Сегодня 21/II 41 года